

Настоящее японское качество

Немного кабуки для тех, кто любит суши и сашими

Григорий Заславский

На сцене МХАТа имени Максима Горького японский традиционный театр «Кабуки» из Токио в последний раз показал традиционную японскую пьесу «Самоубийство влюбленных на острове Сонэдзакэ».

Настоящий бум японских закусок и ресторанов, случившийся в последние годы в Москве, все эти бесконечные суши и сашими, которые можно купить теперь у нас на каждом углу, закономерно привели к тому, что на премьеру было не попасть. А может быть, суши-бары здесь и ни при чем.

Как бы то ни было, к уже известным нам достоинствам японской кухни, сакэ и некоторым, чаще всего весьма приблизительным сведениям о японских трехстишиях и пятистишиях теперь мы смогли прибавить еще и представление об оригинальном традиционном японском театре «Кабуки» (за это – спасибо организаторам Чеховского фестиваля, в афише которого в этом году кроме «Кабуки» еще и спектакли театра «Но», и японская версия «Сирано де Бержерака» в постановке Тадаши Сузуки).

Конечно, было бы немалым преувеличением сказать, что увиденное позволило разобраться в тонкостях традиционного японского театра или оценить достоинства стиля «Кабуки». Пожалуй,

и тут (как в уже упомянутых выше блюдах японской кухни) нам достаточно удовольствия от церемониала, и экзотичность зрелища, увы, чаще всего так и остается первой и единственной радостью от представления.

Завораживает размеренность действия, даже действия, что – в отсутствие иных сравнительных рядов – машинально вызывает в памяти вид и философический

носится к стилю Камигато Кабуки и что в нем нет места для импровизации, так что, вероятно, эту самую сказку в неизменном виде играют десятилетиями (точно такой ее видели зрители прошлого, а может, и позапрошлого века), что в «Кабуки» все роли – женские и мужские – играют мужчины, а в данном представлении роль прекрасной влюбленной играет Накамуро Гандзиро

В театре «Кабуки» нет места для импровизации, один и тот же спектакль играют десятилетиями без изменений

дух японской чайной церемонии, открытой европейцу внешней своей красотой. Но уже вкус чая, японского зеленого чая, разумеется, откроется только любителю. Все кажется необычным, все – красиво: и то, как вручную раздвигается блеклый, хотя и разноцветный занавес.

Речь, похожая на распев. Мелодия японской речи, в которой – во всяком случае здесь, в «Самоубийстве влюбленных...», – с самых первых слов, с первых нот заключена и слышна трагедия. И музыканты, которые то прячутся за ширмой, то выходят на сцену, эту неизбежность, кажется, и пытаются нащупать и сыграть.

Наверное, было важно знать, что привезенный спектакль от-

Ш, актер, который имеет титул «Живое национальное достояние». Все это, конечно, важно и интересно.

Но эти детали не нарушают герметичности зрелища, а в этой его закрытости, пожалуй, и заключена главная привлекательность. Хотя чего, собственно говоря, непонятного: он любит ее, она любит его, его обвиняют в подлоге, он, не в силах пережить навета, готов умереть, она готова умереть вместе с ним. Правда в конце концов проясняется, но предотвратить самоубийство уже невозможно. Все ясно. Тем более что сверху, над сценой, бегущей строкой спектакль сопровождают субтитры.

Краски кажутся слишком яркими: для того чтобы зрелище соответствовало нашим представлениям о древней красоте, ему бы – нам кажется – пристало облечься в блеклые, выцветшие от времени тона. Но японцы едва ли бы стали делать что-либо специально для туристского удовольствия – в том, что касается национального достояния и старейших традиций.

И все-таки «Кабуки» трогает. История, больше похожая на сказку. Простая – именно в силу традиции и старинны.

Она трогает до слез.

Сказка, в которой нет волшебных помощников, которые бы удержали героев от смерти. Но смерть и не мыслится героями как развязка и расставание. Правда, умирать от этого не становится легче. И вот тут забываешь – и даже лучше было бы этого вовсе не знать, – что артисту, который играет влюбленную гейшу, за шестьдесят: в его движениях грация, скованная кимono, кажется еще прекраснее.

«Чему подобны идущие на смерть? Они, как иней на дороге брэнной, тают с каждым шагом». Наше евразийское ухо чутко ловит печальный стих. Про «жизнь есть сон», про иней. Нам правится эта немногословная японская лирика, в которой трагедия умещается в трех или пяти строках (умению довольствоваться малым пространством можно восхищаться, но перенять его, конечно, не получится).

Тот, кто сочувствует, наверное, и понимает? ■